

И.Ю. Котин

ОБЩИНА ПАРСОВ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ БОМБЕЕ (по произведениям Рохинтона Мистри)

Анализируются произведения классика канадской литературы индийского происхождения, посвященные его бывшим землякам и собратьям по вере — парсам Бомбея (современный Мумбаи). Община гуджратиязычных последователей зороастризма показана очень подробно, с любовью. Вместе с парсами Бомбея Мистри переживает потерю ими былых передовых позиций в бомбейской экономике и политике. Посвятив основное внимание именно парсам, Мистри показывает и другие общины — индусов, мусульман, христиан. Книги Мистри — богатый источник по этнографии Западной Индии второй половины XX в.

Ключевые слова: парсы, зороастризм, Бомбей-Мумбаи, мультикультурализм.

Рохинтон Мистри — канадский писатель индийского происхождения, пишущий на английском языке. Его относят к ведущим авторам индо-английской литературы¹. Рохинтон Мистри родился в 1952 г. в Бомбее, учился в престижном колледже Св. Ксавье (Ксаверия) и иммигрировал в Канаду в 1975 г., собственным примером олицетворив общую тенденцию на исход парсов из Бомбея. В Канаде Мистри поступил в Университет Торонто, где получил степень бакалавра по английскому языку и философии, а затем работал клерком в банке, в свободное время занимаясь писательским трудом. Уже в студенческие годы Мистри опубликовал несколько рассказов в литературных журналах Канады, а через два года после окончания университета издал сборник рассказов «Истории из Фирозшах Баг». Фирозшах Баг — многоквартирный дом в Бомбее, населенный преимущественно парсами — единоверцами Мистри и главными героями его произведений (подробнее см.: [Malieckal 2000: 219–228]).

Отметим, что Рохинтон Мистри покинул Бомбей в 1975 г., в один из самых тяжелых периодов в жизни города и страны. После беспорядков, учиненных в Бихаре и Гуджарате сторонниками теорети-

¹ Под индо-английской литературой обычно понимают поэзию, прозу и драматургию, созданную авторами-индийцами на английском языке.

ка «перманентной революции» Джай Пракаш Нараяна, в Индии по просьбе премьер-министра Индиры Ганди было введено чрезвычайное положение. Ситуация анархии сменилась беспределом власти. В Бомбее это время отмечено также усилением маратхских националистов, стремившихся добиться полноты власти в мегаполисе, который они называли Мумбаи, именем, крайне неприятным Рохинтону Мистри и ассоциировавшимся для парсов с махараштрским радикализмом. Парсы Бомбея, долгое время бывшие представителями самой богатой, успешной и влиятельной общины города, оказались жертвами лингвистической дискриминации, ибо партия Бала Тхакре (Тхакерея) «Шив Сена» проводила под лозунгом «Махараштра для махараштрийцев» кампанию по внедрению в качестве основного и единственного языка общения маратхи, вытесняя язык гуджарати, на котором говорят парсы и джайны, представители крупнейших бизнес-элит города. Примечательно, что известный романист Найпол, побывавший в Индии и именно в Бомбее первый раз в это время, пишет о «Шив Сена» не без симпатии, отмечая, что это единственная партия, интересующаяся судьбой городской бедноты. Но Рохинтон Мистри уезжает из Индии в это время, и кошмар анархии и чрезвычайного положения, маратхского радикального национализма и разорения старых парсийских семейств, с одной стороны, его долго преследует, с другой — дает толчок к творчеству.

Первые рассказы Мистри — нехитрые истории, в которых обыгрывается быт малоизвестных в Канаде, а потому экзотических парсов. Уже в них, как отмечает канадский литературовед Дженифер-Такхар, Мистри касается таких тем, как «зороастрийская религия, общая история миграции парсов из Ирана, поиск убежища в Индии, вхождение в колониальную элиту (в Британской Индии) и мучительная потеря ими привилегированного статуса в постколониальной Индии» [Takhar 2000]. Все эти темы получили дальнейшее развитие в других произведениях этого теперь уже канадского писателя.

Первое большое произведение Мистри — роман «Столь долгое путешествие» (“Such a Long Journey”, 1991), получивший литературную премию генерал-губернатора Канады, выдержавший в 1990-е годы шесть переизданий и экранизированный в 1998 г., эксплуатирует обе важнейшие темы творчества Рохинтона Мистри — тему Индии в годы чрезвычайного положения и жизнь парсийской об-

пины в мультикультурном Бомбее. Главный герой романа — клерк Густад Нобле, содержащий жену Дилнаваз и троих детей. Семья живет бедно. Все осложняется трудностями чрезвычайного положения. Даже газеты не купить: нужно сдать макулатуру (старые газеты) и заплатить стоимость печати за листы, наполовину пустые — вместо запрещенных цензурой статей — пустые места. Надежда в семье возлагалась на успешного старшего сына Сохраба, но тот отказывается поступить в престижный Индийский институт технологии. Младшая дочь Густада тяжело заболевает. Бедность в семье грозит превратиться в нищету. Вскоре Густад получает письмо от старого друга Билли Бильмориа, касающееся сомнительных денег, хранителем которых военный офицер Бильмориа стал по поручению премьер-министра (Индиры Ганди).

Вероятно, в основу сюжета лег скандал с деньгами, получивший название «Дело Нагарвалы». 24 мая 1971 г. главный кассир Государственного Банка Индии Вед Пракаша Малхотра якобы получил устное указание по телефону от премьер-министра Индиры Ганди выплатить шесть миллионов рупий человеку, который будет ждать его в назначенный час на определенной улице, что и было исполнено. Позднее оказалось, что звонила не Индира Ганди. Выяснилось, что имитировал голос Ганди некто Нагарвала, бывший военный и служащий индийской разведки. Нагарвала был осужден, но общественность насторожила практика выдачи незарегистрированных крупных сумм неизвестным лицам по устному указанию премьер-министра.

Видимо, также по поручению премьер-министра на некие цели получил деньги и Бильмориа, и теперь их нужно где-то сохранить. Густад отправляется в поездку по Индии по поручению Билли. Печальные происшествия во время этой поездки бросают свет на тот или иной аспект жизни Густада. Основные события происходят в родном и любимом городе Рохинтона Мистри Бомбее, городе, две общины которого, маратхская и гуджаратская, долгие годы жили мирно, но новые обстоятельства толкают маратхов к попытке доминирования, а гуджаратцы чувствуют враждебность своего родного города. Среди гуджаратцев не последнее место занимают парсы, бывшие при англичанах наиболее богатой, просвещенной и влиятельной группой населения, стоявшие у истоков индийско-

го национально-освободительного движения, среди них — отцы-основатели Индийского национального конгресса Ферозшах Мехта и Дадабхай Наороджи.

Раздел населения Бомбея прошел не только по линии лингвистической: «маратхи — гуджаратцы». В положении изгоев и с ярлыком предателей оказались многочисленные бомбейские мусульмане, выходцем из которых был основатель Пакистана Мухамад Али Джинна. Мусульмане заклеены как «поедатели говядины», и формально к ним можно отнести и парсов — выходцев из Персии и мясоедов, еще недавно совершавших даже жертвоприношение коровы. Парсы в независимой Индии постепенно теряют лидирующее положение в экономике и политике Бомбея. Автор романа считает Индиру Ганди одной из виновниц этого. Не случайно умер молодым и ее муж — парс Фероз Ганди. Для парсов его загадочная смерть — дурной знак. Общине парсов в современной Индии непросто, что не мешает процветанию отдельных парсийских кланов, таких как Тага и Вадия.

Тема жизни парсов в Бомбее — главная в романе. Уже первые строки книги описывают предутреннюю молитву Ахура Мазде главного героя романа Густада. Примечательно, что экзотические для западного читателя названия, такие, например, как «кусти» — пояс правоверного парса, который он использует во время молитвы, не получают в книге перевода и не снабжены глоссарием, хотя и выделены курсивом. О значении большинства парсийских понятий мы получаем представление из контекста. Они создают особую «этническую» экзотику, обеспечившую популярность книги в Канаде. Из книг Мистри многие канадцы европейского происхождения впервые узнали о парсах. Но много нового канадцы узнают и о представителях других групп населения Бомбея. Делается это ненавязчиво, часто с помощью реплик и обнаженных перед читателем мыслей героев. Вот жена Густада Дильнаваз стоит в очереди за молоком, которым торгует индус, названный в романе просто «братец» (*бхайя*), так к нему обращаются покупатели. Дилнаваз обращает внимание на бритую голову «братца», на которой лишь в районе темени оставлена часть волос. Дильнаваз «знала, что это индусский обычай у какой-то касты, она точно не знала какой, но не могла избавиться от мысли, что это напоминало ей крысиный хвост. Когда (*бхайя*)

мазал голову маслом, этот хвостик блестел» [Mistry 1992: 3]. Мы отмечаем, что оценка, данная уже первому встреченному в романе индусу, не слишком лестная.

Парсы в романе наделены чувством собственного превосходства, возможно, унаследованным от их более удачливых предков, живших при англичанах и игравших в Бомбее одну из главных ролей. У коров парсов на их «парсийской ферме» и молоко лучше, чем то, что продает, возможно, разбавив водой, «бхайя». У парсов — лучшая в Бомбее мебель, некогда производившаяся фирмой «Нобле и сын». Но это все в прошлом, как в прошлом остался лучший в Бомбее книжный магазин отца Густада. Теперь Густад — банковский служащий, и его семья, друзья и соседи — словно осажженные на своем острове — в многоквартирном доме Ходадад билдинг. Многие в доме, хотя и не все, парсы. Это отражает тенденцию на концентрацию тех или иных религиозных групп в определенных кварталах Бомбея. Район Ходадад билдинга и округа — парсийские, район Дхоби Талао — христианский, населенный преимущественно так называемыми англо-индийцами — потомками от смешанных браков англичан, но чаще других европейцев (в Бомбее — португальцев) с местными жительницами.

Христиане, так же как и парсы, бывшие хозяева города. Их положение также пошатнулось с обретением Индией независимости. Школьный приятель Густада Малькольм как раз принадлежит к общине англо-индийцев. Примечательно, что оба учатся в престижной школе (колледже) Св. Ксавье, основанной некогда монахами-иезуитами, но в годы независимости ставшей открытой для школьников всех вероисповеданий. Напомним, что в этом колледже учился и сам Рохинтон Мистри, хорошо знавший мир этой школы. С одной стороны, религиозные различия в школе не было принято подчеркивать, с другой стороны, ее ученики-христиане по-прежнему хранили чувство превосходства над «язычниками». Отсюда и шуточные споры Малькольма с Густадом о древности их религий. Малькольм не без гордости говорит Густаду: «Христианство пришло в Индию девятнадцать веков назад, задолго до того, как в VII в. ваши персы бежали сюда, преследуемые мусульманами» [Mistry 1991: 23]. Впрочем, Густад знает, что ответить приятелю-христианину: «Может быть... но наш пророк Заратуштра жил бо-

лее пятнадцати веков до того, как Ваш сын Бога родился. И знаешь ли ты, сколь значительное влияние оказал Заратуштра на индуизм, христианство и ислам?» [Ibid.].

Оба друга признают достоинство религий друг друга. Устами другого персонажа, Диншавджи, Мистри объясняет причину потери влияния старыми общинами. Это все из-за Индиры Ганди и ее политики: «Она все это начала требованием создания отдельного (штата) Махараштры, и теперь у нас эта проклятая «Шив Сена», пытающаяся превратить нас в граждан второго сорта» [Mistry 1991: 39]. Справедливости ради следует сказать, что создание лингвистического штата Махараштра было частью, точнее даже завершением программы правившей тогда партии Индийский национальный конгресс по созданию лингвистических штатов. Это программа была предложена «отцом нации» Махатмой Ганди еще в 1930 г. и начала проводиться в независимой Индии с середины 1950-х годов. Другое дело, что эта политика не учитывала тонкостей этнолингвистической ситуации в том или ином штате, той или иной провинции. Двухязычный и многоконфессиональный мегаполис Бомбей вполне заслуживал статуса отдельного штата или города-штата, но ни Махараштра, ни Гуджарат не хотели от него отказываться, победило руководство Махараштры при поддержке центра и местных маратхских общественных организаций, порой весьма воинственных, таких как «Шив Сена».

О «Шив Сене» и ее акциях, например нападении на банк, Мистри пишет с издевкой. Он недолюбливает маратхских радикалов. С иронией Мистри пишет о том, как после появления охранников-пуштунов с ружьями «эти Сакарамы, Даттарамы и Тукарамы лишь скакали вдаль и оралы (не рискуя приближаться), как жены рыбаков» [Mistry 1991: 39]. Примечательно, что здесь герой романа Диншавджи насмехается не только над гордыми именами новоявленных «хозяев города», но и над низким кастовым происхождением многих из них: ведь рыбаки и их жены, с которыми сравниваются шивсеновцы, — низкокастовые индусы.

Смех Мистри и его героев — на грани политкорректности. Вслед за своими героями он пересказывает шутки бомбейцев о сикхах, южанах, гуджаратцах (гуджу), пуштунах [Mistry 1991: 56]. Эти шутки не безобидны, но они расцветивают ткань повествования, дают

возможность представить многоконфессиональный мультикультурный Бомбей во всем его разнообразии. При этом Малькольм, которого Мистри рисует как человека легкомысленного и несдержанного в речи, допускает весьма издевательские замечания по отношению к индусам и почитаемой ими корове. Малькольм говорит, обращаясь к Густаду, который, как парс, также не является вегетарианцем: «К счастью для нас... мы — меньшинства в стране индусов. Пусть они едят бобы и прочее... Пусть они профукивают свою жизнь... Индусы, идущие в ногу со временем, едят козлятину или курятину, если они хотят казаться современнее. Но мы получим протеин от их священной коровы» [Mistry 1991: 23].

Книга Рохинтона Мистри вызвала в Индии неоднозначную реакцию. Некоторые обвинили Мистри в очернительстве власти, оскорблении чувств верующих индусов, но в целом в Бомбее роман полюбили. Либерально настроенные университетские профессора включили в 2007 г. книгу в список рекомендуемой литературы для будущих студентов-филологов. Но тут-то и произошел скандал, не сравнимый по размаху со скандалом, связанным с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи», но имевший те же причины. Адитья Тхакре, внук Бал Тхакре, студент колледжа Св. Ксавье, интегрированного в состав университета Мумбаи, потребовал изъять роман как негативно рисующий маратхское националистическое движение и партию «Шив Сена». Мистри был огорчен этим решением и отметил, что критические слова принадлежат одному из героев — другу и коллеге Густада Диншавджи. Профсоюз университетских работников Бомбейского университета пытался защитить «академические свободы», но за запрет выступил главный министр Махараштры Ашок Чаван.

Третья книга Рохинтона Мистри роман «Отличное равновесие» (“Fine Balance”), встретивший теплый читательский прием и признанный, по результатам опросов читателей, книгой, входящей в сотню лучших книг мира, эксплуатирует ту же тему — Индия в годы чрезвычайного положения, но герои Мистри — не только и не столько парсы. В романе он поднимает тему неприкасаемых, два представителя общины которых становятся протагонистами романа.

Наконец, третий роман — «Дела семейные» (“Family Matters”) — вновь делает парсов и их общину в Бомбее главной темой. Роман

издан в Канаде в 2002 г. В том же году, а это было вскоре после террористического нападения на города США, Мистри совершил тур по США, где планировал встречу с читателями. Везде в США, куда он приезжал, он сталкивался со слежкой и подозрительностью, ибо, будучи смуглокожим иностранцем, был принят полицейскими и чиновниками на аэродромах за террориста. Свой тур Мистри отменил, но скандальную славу получил, и благодаря этому роман был переведен на многие языки мира, включая русский.

Тема парсов и их религии — одна из главных в романе «Дела семейные». Не случайно к русскому переводу романа, выполненному Мариам Салганик, прилагается послесловие «О чем говорил Заратуштра», в котором делается попытка дать очерк религии парсов-зороастрийцев [Салганик 2005: 690–703]. Тема парсов дана на фоне мультикультурного Бомбея — любимого города Мистри, города, исчезающего и постепенно превращающегося в огромный, динамичный, но иной по духу Мумбаи, столицу Махараштры.

В ткань романа вплетена история зороастрийской парсийской общины, порой представленная в виде пересказа публикаций парсийской прессы Бомбея, порой — в диалогах и размышлениях главных и второстепенных героев. Так, например, в романе появляется рассказ об отце главного героя романа Наримана и о его письмах в парсийскую газету. Поводом одного из писем стала полемика о судьбе общины, возможности ее пополнения за счет смешанных браков. Однажды «священнослужитель совершил церемонию навджоте для ребенка, мать которого была из парсов, а отец — иноверец. Событие вызвало споры, полемику и перебранки между реформистами и ортодоксами. Такого рода споры вспыхивали в общине парсов с периодичностью эпидемий гриппа <...> Отец Наримана, известный как большой мастер писать письма в газеты, гневно осудил священника. Он писал, что для этого дастура, сбившегося с пути истинного, священная церемония инвеституры — вручения судры и кусты посвящаемому в парсы — имеет не большее значение, нежели повязывание обыкновеннейшего шнура, если судить по той лихости, с которой дастур проделывает ее с каждым и всяким. Что подобные ему ренегаты станут причиной гибели трехтысячелетней религии, что зороастрийство за всю свою славную историю выдержало множество ударов, но чего не могли добиться арабские армии

в 632 году нашей эры, то совершат такие священнослужители, как он, подрывающие чистоту этой единственной в своем роде и древней персидской общины, саму основу ее выживания» [Мистри 2005: 189].

И парс Йезад, и индус Капур — патриоты Бомбея. «Помимо общего для них отвращения к “Шив Сене” с ее тупостью и узкомыслием, оба сокрушались по поводу состояния города, который медленно умирал, уничтожаемый властью бандитов и “крестных отцов” мафии, выражаясь газетным языком, “неправедным альянсом политиков, криминалитета и полиции”» [Мистри 2005: 216]. Капур — индус, беженец из Пакистана. Он говорит о себе: «У нас не было выбора. Мы были вынуждены бежать. Так мы оказались в Бомбее. И Бомбей принял нас хорошо. Отец начал с самого начала, с нуля, и добился успеха. Единственный город на свете, где это возможно. <...> А потому, утверждал Капур, он любит Бомбей особой любовью, куда более пылкой, чем те, кто родился и вырос в Бомбее» [Мистри 2005: 217].

Как и в романе «Столь долгое путешествие», Мистри дает описание парсийского храма, куда отправляется Йезад, один из главных героев романа: «Он остановился перед дверью в храм, вспомнив, что у него непокрыта голова. Можно прикрыть голову носовым платком, впрочем, он же не собирался заходить в храм <...> Внутренность храма тонула в полумгле, но можно было различить выложенное камнем пространство, похожее на длинную веранду, и каменный парапет, за которым совершаются омовения. В дальнем конце виднелась одинокая фигура, человек вытирал лицо и руки, готовясь к молитве <...> Он выпустил поверх брюк белую ритуальную судру и рубашку, выудил из-под рубашки священный шнур кусти, которым парсы подпоясываются, и начал молиться, развязывая узлы на кусти. Расслабил узелок на поясе и поднял кусти ко лбу. <...> Знакомый жест в неясном свете вдруг пробудил в памяти слова молитвы, которую Йезад много лет не читал: “Ахура маздакходаи, аз хама гуннах, патер пашерминум”... Он не останавливал слова, всплывающие в памяти и странно радующие его своей незабытостью. А молящийся сложил кусти в две петли и снова поднес шнур ко лбу. Йезад знал, что он сейчас произносит “манашни, гавашни, кунашни”, после чего заново завяжет священный шнур» [Мистри 2005: 434–435].

Герой Мистри вспоминает, сколь многочисленными некогда были собрания верующих парсов в храме: «Его воображение заполняло каменный пол оживленной толпой, которую он привык видеть, когда родители приводили его маленьким в храм на праздники Навроз и Кхордад саль, когда толпа была по-новогоднему разодета, каждый держал в руках сандаловые курительные палочки, и все пробирались к парапету, чтобы омыть руки в серебряном карасио, совершить молитву и поспешить на празднование Нового года. Женщины, носившие сари, как мать Йезада, с легкостью добирались до своих кусты, другим же, одетым более современно и вынужденным поднимать юбки, чтобы развязать узлы на поясе, приходилось укрываться за специальной загородкой. На модниц осуждающе смотрели ортодоксальные дамы» [Мистри 2005: 435]. Здесь, как мы видим, отражены и отношения между консервативными и современными дамами, противоречия, в иной форме отражающие различия между традиционалистами и модернистами (реформистами). Не в последнюю очередь женщины — хранительницы религиозной традиции у парсов. Такова, например, героиня романа «Дела семейные» Роксана. Как пишет Мистри, «для нее обряды и религия значили куда больше, чем для Йезада. После внезапной смерти матери воспитанием Роксаны занималась материнская родня — угрызения совести не позволили Нариману ни в чем противиться родственникам покойной жены. Они учили Роксану молиться, совершили ее *навджоме* — обряд посвящения в парсы, по праздникам водили в храм огня» [Там же: 39].

Вновь звучит у Мистри в романе жесткая критика партии «Шив Сена» и ее лидера. Говоря о концерте Майкла Джексона, герой романа Йезад замечает: «Удивительно, что лидер “Шив Сены” не объявил его врагом чего-то, даже врагом хорошего вкуса не объявил. Ведь этот придурок направо и налево раздает ярлыки “анти” — антито, антисе. Южане у нас антибомбейцы, Валентинов день — антииндусская затея. Кинозвезды, если они родом из той части Пенджаба, которая после сорок седьмого к Пакистану отошла, предатели родины» [Мистри 2005: 50].

По словам канадского литературного критика Дженифер Такхар, «Мистри, как и другие авторы-парсы, руководствуется опытом двойной потери родины (*double displacement*). Как парс, Мистри ви-

дит себя на периферии индийского общества, и отсюда неприятие им установки на прославление индусской культуры Индии» [Takhar 2000].

Рохинтон Мистри признан в настоящее время одним из самых талантливых индо-английских писателей, но уже несколько лет он не публикует новых романов. Возможно, у автора творческий кризис. Тема парсов в Бомбее разработана подробно, но, возможно, и исчерпана. То же можно сказать о теме Индии времен чрезвычайного положения. Смею надеяться, что новый роман Мистри будет посвящен парсам или, шире, выходцам из Южной Азии в Канаде.

Библиография

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.: Петербургское востоковедение; Азбука, 2003.

Мистри Р. Дела семейные / Пер. М. Салганик. М.: Росмэн, 2005.

Салганик М. Что говорил Заратуштра // Мистри Р. Дела семейные / Пер. М. Салганик. М.: Росмэн, 2005. С. 690–703.

Dodiya J. (ed.). The fiction of Rohinton Mistry: Critical Studies. L.: Prestige Books, 1998.

Malieckal B. Rohinton Mistry // Asian American Novelists: A Bio-Bibliographical Sourcebook / Ed. Nelson E. Sampath. L.; Toronto: Greenwood Publishing Group, 2000. P. 219–28.

Mistry R. Such a Long Journey. L.: Faber&Faber, 1992.

Takhar J. Rohinton Mistry, Writer from Elsewhere // Canadian Literature and Culture in the Post-Colonial Literature and Culture. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postcolonialstudies.emory.edu/wp-admin/post.php?post=205&action=edit> (дата посещения: 12.05.2014).